

ГЛАВА 23. ХРАМ СКОРБИ

— Мое неведение, моя привязанность?.. — Цзян Жуцзин нахмурился, повторяя эти слова, словно пытаясь ухватить ускользающий смысл.

Ачамоло, чей взгляд был глубже и темнее самой южной ночи, пару секунд пристально смотрел на него, а затем перевёл взор на призрачную орду, бушующую всего в тридцати метрах от хвоста машины.

Вопли призраков пустоши, полные невыразимой боли и застарелой обиды, леденили кровь. Цзян Жуцзин отчётливо видел их лица: надменные, меланхолические и скорбные, застывшие в растерянной улыбке или перекошенные от ярости... Сотни ликов отражали бесконечный водоворот эмоций и эго.

— Что значит «мое неведение»? — спросил Цзян Жуцзин.

Ачамоло промолчал.

— А что значит «моя привязанность»? — последовал новый вопрос.

Монах вновь оставил его без ответа.

Сидевшая рядом Лу Цинсюэ наконец оправилась от потрясения. Увидев, что призраки пустоши подбираются всё ближе, она в ужасе вскрикнула:

— А-а! Они догоняют!

Этот крик вывел Старика Фу и Фу Яньтао из оцепенения. Взглянув на бескрайнее море чудовищ, захлестнувшее горизонт, они смертельно побледнели.

Старик Фу, сиюсье сохранить остатки достоинства, негромко кашлянул и обратился к Лао Ту:

— Лао Ту, послушай... они уже наступают нам на пятки. Ты столько лет водишь караваны, должен же быть какой-то выход?

Впереди из песков выросла роща каменных столбов. Около двадцати исполинских колонн, чьи лики были стерты временем и пескоструем пустыни, всё ещё гордо высились, не желая преклонять колен. Заметив их, Лао Ту на мгновение задумался, а затем его лицо осветилось радостью. Он резко вдавил педаль газа в пол. Машина, взревев, влетела в каменный лес и начала петлять между тесно стоящими столбами. Поток призраков пустоши хлынул следом, поднимая тучи чёрного песка, но в лабиринте орда начала рассеиваться.

Напряжение в салоне немного спало. Лао Ту с облегчением оскалился в улыбке:

— Справиться с ними нельзя. Их тут несметное количество, и ходят они всегда стаями.

— Но... что же нам тогда делать? — Старик Фу окончательно утратил самообладание, вспомнив жуткие оскалы и когти, которые они видели на стоянке. Его лоб покрылся испариной.

Лао Ту снова крутанул руль, огибая колонну такой толщины, что её едва ли обхватили бы пятеро взрослых мужчин.

— Говорят, этот каменный лес когда-то был храмом. Заброшенным и забытым бог весть сколько веков назад. Один мой старый приятель рассказывал, как они с группой тоже попали в окружение призраков пустоши посреди ночи и в панике забрели сюда. Оказалось, твари боятся этого места. Они кружат снаружи, но вглубь не суются. Те ребята дождались рассвета и убралась подобру-поздорову. Многие наши пытались найти эти руины, чтобы иметь убежище на крайний случай, да всё без толку. А нам, гляди-ка, повезло! Переждём здесь остаток ночи, а завтра с первыми лучами — в путь.

Услышав, что призраки пустоши не осмелятся зайти глубоко, все вздохнули с облегчением. Троица исследователей тут же оживилась: раз это руины древнего храма, им не терпелось поскорее выйти из машины и всё осмотреть.

Пройдя ещё немного вглубь каменного лабиринта, они заметили, что призраки пустоши действительно перестали их преследовать, а завывания снаружи стали тише. Лица членов экспедиции постепенно принимали естественный цвет.

Однако Цзян Жуцзин чутко уловил перемену: Ачамоло, напротив, нахмурился.

До этого монах всегда оставался невозмутимым, даже когда они находились в самом центре вихря призраков пустоши. Его спокойствие граничило с безразличием ко всему сущему. И раз сейчас на его лице отразилось беспокойство, Цзян Жуцзин решил, что расслабляться рано.

«Неужели здесь кроется иная опасность?» — подумал он, не сводя глаз с окрестностей.

Внедорожник сбавил ход и окончательно замер на широкой ровной площадке, напоминавшей площадь. Восемнадцать гигантских колонн полукругом огибали это место, застыв в безмолвном карауле. Здесь не было ни ветра, ни песка, ни звука — лишь давящая, густая тишина.

Люди выбрались из машины. Включив мощные фонари, они принялись проверять вещи.

— Потери небольшие, — заключил Старик Фу. — Самое важное осталось при нас. Завтра возвращаться не будем, сразу продолжим поиски пагоды.

— Учитель, учитель! — Лу Цинсюэ, не теряя ни секунды, подбежала к ближайшей колонне с переносной лампой. — Посмотрите скорее! На столбах барельефы!

Старик Фу, забыв о своих семидесяти годах, поспешил к ней:

— Ну-ка, дай взгляну.

Колонны были колоссальными — метров по тридцать в высоту и пять в обхвате. Тёмно-жёлтый камень на уровне человеческого роста был покрыт искусной резьбой. Удивительно, но барельефы выглядели чистыми, словно время и песок не властны над ними.

Цзян Жуцзин молча, но властно забрал фонарь у одного из спутников Ань Тина и подошёл к другому столбу.

Линии резьбы были простыми, но сюжет читался мгновенно: это было место казни. Пятеро монахов под охраной десятка солдат; рядом уже валялись два трупа. Группа воинов окружила одного из священнослужителей и забивала его насмерть заострёнными деревянными кольями. Лицо монаха застыло в гримасе ужаса и боли, вокруг разлетались капли крови, высеченные в камне. Цзян Жуцзин нахмурился и сделал шаг вправо, к следующей сцене.

Это было продолжение той же расправы, но с иным видом истязаний. Длинный ров, дно которого усеяно острыми шипами. Через ров переброшены тонкие ветки, не толще детского мизинца. Солдаты заставляли монахов ползти по этим прутьям над ямой. Когда ветка не выдерживала веса человека и ломалась, несчастный падал вниз на колья.

Обойдя колонну кругом, Цзян Жуцзин убедился: весь столб был посвящён жестоким пыткам, которым армия подвергала монахов. Его охватил гнев.

Путь даоса полон опасностей, и схватки не на жизнь, а на смерть — дело привычное, но подобные издевательства над беззащитными были за гранью всякого зла.

«Какая мерзость...» — пронеслось в его голове.

И тут же ядовитым змеиным шёпотом отозвался другой голос:

«А ведь было бы славно заставить Ли Ле пройти через каждую из этих пыток. Вот бы он порадовался».

Ему захотелось увидеть, как этот человек сполна вкусит все тысячи казней и десять тысяч бедствий. Чтобы его вечная улыбка сменилась сотнями оттенков агонии, чтобы в его взгляде никогда больше не мелькало беззаботности. Чтобы из его уст рвался лишь бесконечный крик, и ни одно его желание в жизни никогда не сбылось!

— Очищение сердца.

Вум...

Цзян Жуцзина словно ударило током. Все навязчивые видения и кровожадные крики в его голове мгновенно развеялись.

Он обернулся. Ачамоло незаметно подошёл со спины и теперь держал руку на его плече. Взгляд монаха был кристально чистым, лишённым всякой суеты.

Под этим безмятежным взором в душе Цзян Жуцзина наступила тишина. Безумные мысли, только что терзавшие его разум, отступили во тьму.

Вдалеке слышались восторженные возгласы членов экспедиции. Цзян Жуцзин, чувствуя неловкость, осторожно отстранился, сбрасывая руку Ачамоло, и направился к следующему столбу.

На этой колонне жертвами были обычные верующие с чётками на шеях. Цзян Жуцзин подошёл ближе и увидел, как людей живьём закапывают в землю. Сердце вновь кольнуло гневом и скорбью.

Ачамоло последовал за ним. Он мягко оттолкнул Цзян Жуцзина, заслоня собой барельеф, и едва заметно покачал головой:

— Тебе не стоит на это смотреть.

Цзян Жуцзин уже готов был взорваться от такого вмешательства, но, встретившись с монахом глазами, осёкся.

Он лишь незаметно вздохнул и отошёл к внедорожнику, делая вид, что изучает машину.

Если его догадка верна, то призраки пустоши — те самые «мое неведение, моя привязанность», о которых говорил Ачамоло, — это и есть жертвы, запечатлённые на колоннах. И именно потому, что они приняли здесь мученическую смерть, они до сих пор испытывают первобытный ужас перед этим местом и не смеют войти.

Этот храм, погребённый в песках и забытый на века, хранил в себе память об одной из самых трагических страниц истории.

Ачамоло не стал осматривать руины, как остальные. Он лишь предупредил всех, чтобы ничего не трогали и не расходились, и снова встал рядом с Цзян Жуцзином. Он, чьи глаза светились высшим благоденствием Дао Будды, не выпускал юношу из виду ни на миг.

Будь на месте монаха кто-то другой, Цзян Жуцзин уже давно бы устроил скандал. Но почему-то при взгляде на этого красивого, исполненного покоя юношу, вся ярость бесследно исчезала, оставляя лишь смиренное: «Да ну его...»

Цзян Жуцзин чувствовал, что здесь что-то не так, но злиться не получалось.

Ачамоло тоже чувствовал неладное. Когда он спасал этого человека, то не заметил, но теперь, глядя на него у колонн, понял: перед ним тот, кто погряз в грехе гнева. В нём бушевала гордыня, способная пошатнуть небеса, а руки его были омыты кровавыми дождями.

«Если оставить его без присмотра, он станет бедствием для мира», — подумал монах.

«Я должен спасти его душу».

<http://bllate.org/book/17530/1704206>